ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ,

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ

для

РОДИТЕЛЕЙ, НАСТАВНИЦЪ И НАСТАВНИКОВЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

при С.-Петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ.

1876.

№ 10 ДЕКАБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Демакова. Новый пер., д
1876.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ оффиціальный.

СТРАН.

1) Постановленія учебнаго Комитета. 69
2) Правительственныя постановленія 70

Отдѣлъ неоффиціальный.

1) Къ вопросу объ измѣненіи учебнаго плана женскихъ гимназій *А. Бетжеръ* 457
2) Развитіе психической жизни ребенка (очеркъ второй). *А. Кирпотенко* 466
3) Изъ воспоминаній наставницы *А. Ш—вой* 486
4) ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. . .
   a) О необходимости поднять уровень женскаго образованія . . 492
   b) Нѣсколько словъ о высшихъ женскихъ школахъ въ Пруссіи и положеніи въ нихъ учителей 495
   c) Преподаваніе роднаго языка въ высшихъ женскихъ школахъ въ Германіи. 500
   d) По поводу преподаванія иностранныхъ языковъ 504
5) ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА:
   a) Засѣданіе педагогическаго общества 507
   b) Отчего въ нашихъ школахъ такъ много слабыхъ ученицъ . 513
   c) Нѣсколько словъ о перемѣнахъ въ нашей педагогической журналистикѣ. 515
6) БИБЛІОГРАФІЯ.
   a) Учебникъ по географіи *Е. Николаевой* 521
   b) Историческія монографіи (вып. 1-й). Біографія Петра В. *М. В. Овчинникова* 526
7) Листокъ объявленій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НАСТАВНИЦЫ.

Кому случалось внимательно приглядываться къ семейной жизни въ нашемъ обществѣ, даже въ наиболѣе образованной средѣ его, тотъ, конечно, согласится съ нами, что родители, *интересующіеся* своими дѣтьми, *сознательно и разумно* занимающіеся воспитаніемъ ихъ, очень рѣдки. Часто случается, положимъ, что молодыя матери любятъ нянчиться съ маленькими дѣтьми своими; но здѣсь послѣднія являются какъ бы игрушкой, забавой для матери, да и то обыкновенно не надолго. Когда же дѣти приходятъ въ возрастъ, перестаютъ быть забавными,—словомъ, когда наступаетъ необходимость обратить серьезное вниманіе на развитіе нравственное, на правильное образованія характера,—тутъ родители въ большинствѣ случаевъ оказываются рѣшительно несостоятельными. Приготовить кое какъ и помѣстить скорѣй въ школу или пріискать воспитателя или воспитательницу, если позволяютъ средства, и свалить съ себя обузу воспитанія, вотъ къ чему обыкновенно стремится большинство родителей. Нѣкоторые же изъ нихъ, дѣлая внушенія дѣтямъ, сообщая имъ различныя нравственныя правила, и наказывая ихъ за различные проступки, не обращаютъ вниманія на то, какъ все это отражается на дѣтяхъ, и воображаютъ, что они воспитываютъ ихъ. Скажите такимъ родителямъ, что они не могутъ разумно воспитать дѣтей своихъ, не изучая ихъ, и не сообразуясь со свойствами ихъ,—и подобные родители сочтутъ ваши слова, пожалуй, за дерзость! Какъ они, образованные люди не умѣютъ воспитывать своихъ дѣтей?!

Намъ приходилось не разъ встрѣчать такой предразсудокъ, или, вѣрнѣе, недомысліе. Родители, даже и образованные люди, смотрятъ

на дѣтей, какъ на какія то особенныя существа, у которыхъ нравственный складъ, чувства совсѣмъ не развиты. Они не понимаютъ или не хотятъ понять, что дѣти бываютъ иной разъ воспріимчивѣе взрослыхъ, и всякое грубое обращеніе съ ихъ чуствами болѣзненно отзывается на ихъ впечатлительной натурѣ. — Но чтобы не приводить голословнымъ доказательствъ я лучше разскажу одинъ случай изъ моей педагогической практики.

Года два тому назадъ, когда жила я въ В., я давала уроки въ частныхъ домахъ. Мои ученики и ученицы были дѣти, довольно обыкновенныя. Были между ними и капризныя, и лѣнивыя, но при небольшомъ стараніи, мнѣ почти всегда удавалось исправлять ихъ отъ этихъ недостатковъ. Только одна изъ моихъ ученицъ привлекла мое особенное вниманіе. Это была дѣвочка лѣтъ 14, развитая не по годамъ, добрая и со всѣми хорошими задатками, но въ ея характерѣ была одна очень странная черта, а именно: если ее обвиняли въ чемъ нибудь несправедливо, то она не оправдывалась, а только въ другой разъ старалась дѣйствительно сдѣлать то, въ чемъ ее обвиняли напрасно. Ужь по крайней мѣрѣ не попусту буду терпѣть, говорила она при этомъ. Меня сразу поразила эта черта, тѣмъ болѣе, что она проявлялась довольно часто: при малѣйшемъ несправедливомъ замѣчаніи, сдѣланномъ кѣмъ-нибудь, Ольга (такъ звали эту дѣвочку) мгновенно вспыхивала и при первомъ удобномъ случаѣ старалась оправдать сдѣланное ей замѣчаніе. Не смотря на это, дѣвочка была такъ симпатична, въ поступкахъ ея часто выражалось такъ много самостоятельности и ума, что я всей душой привязалось къ ней, и захотѣла непремѣнно исправить ея характеръ, но сдѣлать это было не такъ легко, потому что дѣвочка была въ такимъ возрастѣ, когда дѣти не слишкомъ довѣрчиво относятся къ своимъ руководителямъ и уже сами могутъ анализировать свои поступки. Кромѣ того духъ противорѣчія былъ сильно развитъ въ Ольгѣ; она считала свои поступки вполнѣ нормальными и ее не легко было разубѣдить въ этомъ. Однако я пробовала замѣтить ей, что своимъ поведеніемъ она только портитъ свой характеръ и вооружаетъ всѣхъ противъ себя. Болѣе мнѣ ничего нельзя было сдѣлать, потому что моя ученица была не такая маленькая дѣвочка, чтобы съ ней можно было обращаться, какъ съ ребенкомъ; поэтому я ждала, что она сама наконецъ поймѣтъ справедливость моихъ замѣчаній и постарается исправиться. Сначала она относилась ко мнѣ недовѣрчиво и на мои замѣчанія или молчала, или горячо возражала: если обо мнѣ думаютъ дурно,

такъ и пусть думаютъ; съ своей стороны я постараюсь подтвердить это мнѣніе. Я не доказывала ей несообразность ея взглядовъ, зная, что съ подобными натурами нельзя дѣйствовать настойчиво и только старалась пріобрѣсти ея довѣріе. Наконецъ мои старанія увѣнчались успѣхомъ: Ольга увидѣла, что я не отношусь къ ней враждебно, что, напротивъ, я желаю ей всего хорошаго и стала говорить со мной откровенно. Тогда въ разговорахъ съ ней я разъясняла ей, сколько могла, всю нелогичность ея поступковъ; она защищала себя очень усердно, но мало по малу убѣждалась въ справедливости моихъ словъ и наконецъ объявила мнѣ, что вполнѣ поняла свои ошибки и постарается болѣе не повторять ихъ. При этомъ я узнала отъ нея, что она много думала о томъ, откуда у нея взялся этотъ странный способъ мстить за несправедливости и, кажется, нашла причину. Я знала, что причина этого заключается въ воспитаніи, но мнѣ хотѣлось узнать, что объ этомъ думаетъ моя ученица и я попросила ее сказать, какая это причина. Тогда она разсказала мнѣ все, что могла припомнить изъ своей прежней жизни и я передаю изъ ея разсказа все то, что относится къ развитію замѣченной мною черты.

Воспоминанія Ольги начинаются съ 6-ти лѣтъ, когда она была бойкимъ, ласковымъ ребенкомъ, характеръ котораго былъ скорѣе мягкимъ и уступчивымъ, чѣмъ настойчивымъ и склоннымъ къ противорѣчію. Родители ея, особенно мать, ее очень любили и баловали, съ братьями она жила дружно, и если ссорилась когда, то не надолго. Относилась она ко всѣмъ съ полнымъ дѣтскимъ довѣріемъ, вѣроятно, потому, что ей еще никогда не случалось быть наказанной. Но, вотъ, разъ мать ея Марья Петровна, уѣхала въ гости, оставивъ дѣтей подъ надзоромъ няньки, которая не замедлила воспользоваться отсутствіемъ барыни и отправилась на кухню поболтать съ кухаркой. Дѣти остались на свободѣ и каждый изъ нихъ занимался, чѣмъ ему нравилось. Когда Марья Петровна вернулась, оказалось, что была изрѣзана на мелкіе куски салфетка, постланная на одномъ изъ столовъ ея комнаты. Начался допросъ, кто изрѣзалъ салфетку. Никто изъ дѣтей не хотѣлъ сознаться, и каждый изъ нихъ говорилъ, что не рѣзалъ салфетки. Тогда Ольгу и ея братьевъ поставили на колѣни и заставили простоять такимъ образомъ съ часъ; послѣ чего опять спросили: кто изрѣзалъ салфетку? Опять никто не хотѣлъ признать себя виновнымъ. Тогда мать объявила, что если кто-нибудь сознается, то она не будетъ ихъ больше наказывать и отпуститъ всѣхъ. Ольгѣ

сильно надсѣло стоять на колѣняхъ, но она была не виновата и между тѣмъ напрасно ждала, что кто-нибудь изъ братьевъ сознается и такимъ образомъ освободитъ себя и всѣхъ. Тогда простодушная дѣвочка смѣло объявила: „я изрѣзала“. Результатомъ этого вышло то, что мальчиковъ отпустили, а Ольгу оставили на колѣняхъ на цѣлый вечеръ, прочитавъ приличное нравоученіе. Дѣвочка терпѣливо простояла и молча выслушала нравоученіе, но ея маленькое сердечко было глубоко возмущено этою несправедливостью и довѣріе къ матери было порвано. Еще стоя на колѣняхъ, она думала: мама сказала, что всѣхъ отпуститъ, если признаются, кто изрѣзалъ салфетку; я объявила, что это я сдѣлала, хотя я и не рѣзала, но она не отпустила меня. Положимъ, она не знала, что я не виновата, но все-же она обѣщала никого больше не наказывать и не исполнила своего обѣщанія. Значитъ она обманула насъ. Съ этихъ поръ дѣвочка стала равнодушно относиться къ похвалѣ и порицанію, и если ее несправедливо бранили или наказывали, она нарочно старалась сдѣлать что-нибудь такое, что заслуживало дѣйствительнаго порицанія, напр., если во время обѣда кто-нибудь изъ дѣтей начиналъ постукивать ногами о столъ, и Марья Петровна, не разузнавъ хорошенько, кто это дѣлалъ, случайно обращалась съ выговоромъ къ Ольгѣ, то дѣвочка и не думала оправдываться, хотя очень хорошо знала, что стучалъ кто-нибудь изъ братьевъ, а просто начинала постукивать сама, за что и получала вторичный выговоръ, на этотъ разъ уже справедливый. Впрочемъ, это она дѣлала только относительно матери, а съ братьями была еще пока въ хорошихъ отношеніяхъ. Но и эти отношенія скоро были нарушены также случайно, какъ было порвано доброе довѣріе къ матери. Однажны братья ея сдѣлали какую-то шалость, которая дошла до свѣдѣнія Марьи Петровны и были, конечно, наказаны. У нихъ почему то явилось подозрѣніе, что Ольга нажаловалась на нихъ матери, вслѣдствіе чего они, не долго думая, начали дразнить ее сплетницей и шпіономъ. Дѣвочка и на этотъ разъ не стала доказывать, что она была не виновата и упорно молчала, хотя ей было очень обидно. Въ первое время она надѣялась, что братья подразнятъ, подразнятъ, да и перестанутъ, но глупые мальчики и не думали переставать, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ глубоко страдаетъ отъ этого бѣдная дѣвочка. Тогда въ упрямой головкѣ Ольги зародилась мысль исполнить дѣйствительно то, въ чемъ братья ее подозрѣвали: „они называютъ меня шпіономъ, такъ пусть же я и буду шпіономъ“, сказала она себѣ — и съ тѣхъ поръ стала слѣдить за

поступками братьевъ, подслушивать разговоры прислуги и все передавать матери. Эта дурная привычка укоренилась въ ней тѣмъ болѣе, что Марья Петровна нетолько не останавливала ее, но даже поощряла ласками и конфектами, надѣясь такимъ образомъ имѣть возможность слѣдить за поступками дѣтей и въ то же время заставить дѣвочку быть съ ней откровенной.

Конечно, ложное, неосновательное убѣжденіе: — если мать хочетъ наблюдать за дѣтьми, то она должна дѣлать это сама, и то весьма осторожно, а ужь ни въ какомъ случаѣ не дѣлать изъ своихъ дѣтей доносчиковъ, хотя бы и для хорошей цѣли. Мальчики сильно не взлюбили Ольгу за шпіонство, стали ее остерегаться и никогда не хотѣли принять ее въ свое общество. Дѣвочка мстила имъ тѣмъ, что о всякой ихъ шалости непремѣнно доносила матери. Но сдѣлавшись больше, она вдругъ рѣшила не сплетничать, даже рискуя потерять расположеніе матери, рѣшила и выдержала себя. Къ этому рѣшенію ее побудило не презрѣніе братьевъ и ихъ нелестныя названія, но собственное сознаніе всей гадости своихъ поступковъ, которые наконецъ ей до того опротивѣли, что она не могла безъ отвращенія вспомнить о своемъ прежнемъ поведеніи. Братья сначала не повѣрили ей и продолжали ее остерегаться, но видя, что Ольга не жалуется больше на нихъ матери, перестали относиться къ ней съ прежнимъ недовѣріемъ. Между тѣмъ голова дѣвочки работала, разбирая поступки людей и свои собственные, всматриваясь въ окружающіе ее предметы и явленія. Результатомъ этой работы было то, что Ольга часто сознавала свои ошибки и разсуждала о поступкахъ людей не хуже взрослыхъ; только отъ своей склонности къ противорѣчію она никакъ не могла отказаться и всякій разъ, какъ только ее обвиняли въ томъ, чего она не дѣлала, она нарочно сейчасъ же дѣлала именно то, въ чемъ ее обвиняли напрасно. Въ этомъ случаѣ она считала себя правою и не повѣрила бы никакимъ убѣжденіемъ. Да и убѣждать то ее было некому: убѣжденіямъ матери она, къ сожалѣнію, не придавала должной цѣны, такъ какъ у нея установилось убѣжденіе, что ея мать можетъ обманывать; что же касается отца, то онъ никогда не обращалъ вниманія на воспитаніе своихъ дѣтей. Конечно, натуры, подобныя Ольгѣ, встрѣчаются не часто, но все же онѣ встрѣчаются, и малѣйшая небрежность при воспитаніи можетъ дѣйствовать гибельно на ихъ умъ и характеръ. Съ такими натурами надо обращаться весьма осторожно и внимательно, о чемъ Марья Петровна, повидимому, не имѣла и понятія. Хорошо еще, что

Ольга имѣла случай сама дойти до сознанія своей несправедливости и понять ея причину, и потому, если ей придется когда-нибудь воспитывать дѣтей, то она, вѣроятно, не повторитъ надъ ними ошибки своихъ родителей. Но вѣдь эти случаи не всегда представляются, да и не всѣ дѣти бываютъ настолько серіозны, чтобы задуматься надъ поступкомъ и настолько вдумчивы, чтобы понять причину какого-нибудь зла. Вѣдь и въ настоящее время существуетъ многое множество людей, получившихъ дурное воспитаніе и воспитывающихъ своихъ дѣтей точно такъ же, какъ ихъ самихъ воспитывали.

Приведенный мною примѣръ и многіе другіе, такъ часто встрѣчаемые въ жизни, доказываютъ намъ, какъ сильно дѣйствуетъ на впечатлительную душу ребенка всякая несправедливость, всякое негуманное отношеніе къ нему взрослыхъ; незаслуженные наказанія и выговоры непремѣнно оказываютъ вліяніе на нравственную личность дѣтей. Ихъ чистая, неиспорченная натура сильно возмущается всякой неправдой, всякимъ злоупотребленіемъ ихъ дѣтскаго довѣрія со стороны взрослыхъ, которые часто не понимаютъ этого и безжалостно обращаются съ нѣжными чувствами ребенка, не предвидя гибельныхъ послѣдствій такого обращенія. Да, если всмотришься хорошенько въ то, какъ ведется воспитаніе въ нашемъ обществѣ, то безпрестанно замѣчаешь или непростительную небрежность, или полное отсутствіе системы. Хорошее систематическое воспитаніе такъ рѣдко встрѣчается, даже у тѣхъ людей, которые добросовѣстно хотятъ заняться развитіемъ своихъ дѣтей! Но, конечно, нельзя обвинять ихъ слишкомъ строго, потому что дѣло воспитанія требуетъ хорошей подготовки, постоянныхъ трудовъ, неусыпныхъ заботъ и можетъ быть выполнено какъ слѣдуетъ только людьми всесторонне изучившими дѣтскую натуру, хорошо знакомыми съ психологіей и вполнѣ посвятившими себя этому дѣлу. Но все-таки нельзя не пожелать, чтобы родители и наставники при неизбѣжныхъ ошибкахъ въ воспитаніи избѣгали по крайней мѣрѣ такихъ промаховъ, которые дѣйствуютъ положительно вредно на характеръ и нравственное развитіе дѣтей.

А. Ш—ва.